

Т. С. Злотникова, Ж. К. Гапонова

Наш русский супер-гипер-мульти-проект

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833-П

В статье анализируются факты, характерные для современного русского языка, порожденные процессами глобализации и связанные с опытом «присвоения» в России зарубежных тенденций. Отмечается, что скорость распространения заимствований в русском языке в конце XX – начале XXI в. настолько высока, что указанная тенденция интегрирована во многие сферы жизни, в том числе в сферу науки. Авторы обращают внимание на отдельные иноязычные приставки (*супер-, мега-, гипер-, ультра-, нон-, контр-, пост-*), которые в современном обществе либо активно участвуют в процессе образования новых слов и отражают особенности эпохи, либо их употребление не соответствует изначальному значению словообразовательного элемента. В статье приводятся примеры словоупотреблений, свидетельствующих о том, что носители языка часто либо не знают значений иноязычных элементов, но намеренно их используют, либо, напротив, чрезмерно злоупотребляют иноязычными словами и аффиксами, не думая о том, что трансформируется исходный смысл высказывания. Авторы делают вывод, что переосмысление ценностей в глобализирующемся мире порождает соответствующие тенденции в языке: многочисленным трансформациям подвергаются слова и их элементы, при этом бездумное употребление греческих и латинских приставок обедняет русский язык, упрощает его, придает абсурдность, далеко не всегда осознаваемую говорящим или пишущим.

Ключевые слова: массовая культура, процессы глобализации, заимствования, иноязычные приставки (префиксы).

T. S. Zlotnikova, Zh. K. Gaponova

Our Russian Super-Hyper-Multi-Project

In the article the facts, which are typical for the modern Russian language, generated by globalization processes and connected with experience of «assignment» of foreign tendencies in Russia are analyzed. It is noted that the speed of extensive use of borrowings in Russian at the end of XX – the beginning of the 21st century is so high that the specified tendency is integrated into many life spheres, including the science sphere. Authors pay attention to some foreign-language prefixes (*super-, mega-, hyper-, ultra-non-, counter-, post-*), which in modern society participate actively in the process of formation of new words and reflect features of the era, or their use does not correspond to the initial meaning of the word-forming element. In the article examples of the word use are given, demonstrating that native speakers quite often do not know meanings of foreign-language elements, but use them on purpose or, on the contrary, excessively use foreign-language words and affixes not thinking that the initial sense of the statement is transformed. The authors draw a conclusion that reconsideration of values in the globalized world generates the corresponding tendencies in the language: words and their elements are exposed to numerous transformations, at the same time the thoughtless use of the Greek and Latin prefixes impoverishes Russian, simplifies it, gives absurdity, which is not always realized by the speaking or writing person.

Keywords: popular culture, processes of globalization, borrowing, foreign-language prefixes (prefixes).

Одним из проявлений постиндустриального общества в сфере лингвокультурологии являются многочисленные заимствования, прежде всего англицизмы, реже заимствования из французского и немецкого языков. Казалось бы, тенденция эта существует в России с давних времен, получая все новые импульсы в периоды царствования Петра I и Екатерины II, на рубеже XIX–XX вв. и в последние десятилетия XX в. Современная же ситуация существенно меняется, по сравнению с предшествующими периодами, в силу того, что иноязычные элементы не просто проникают в русскую речь (прежде всего научную и публицистическую, не обыденную), но агрессивно вытесняют/заменяют русские слова, более того –

формируют новый понятийный аппарат, подчас не имеющий буквальных аналогов в русском языке.

Скорость распространения заимствований в русском языке в конце XX – начале XXI в. чрезвычайно высока или, если выразиться по-современному, супермегабыстрая. Указанная тенденция не является локальной, напротив, она интегрирована во многие сферы жизни, поэтому заслуживает внимания не только с точки зрения лингвистики (в настоящее время периодически появляются труды лингвистов, посвященные анализу того или иного заимствования или иноязычного элемента), но и с точки зрения культурологии, поскольку при заимствовании иноязыч-

ной лексики изменениям подвергается не только язык, но и картина мира народа [8, с. 406–419]. Значительный по объему поток иноязычной лексики может свидетельствовать о девальвации собственно национального в современном обществе, об утрате этнической идентичности, с одной стороны, и о процессах глобализации – с другой.

По сути, мы можем констатировать своеобразный вызов, получаемый российским массовым сознанием из глобального мира, причем вызов нового уровня и значения, уже не сравнимый с экспансией конкретных языковых массивов, как это было с немецким языком в начале XVIII в., французским – на рубеже XVIII–XIX вв., английским (в том числе в его американской версии) – во второй половине XX в. и вплоть до наших дней. Глобальный вызов, нивелирующий культурные смыслы самого говорения и писания на русском языке, тем более очевиден и значим, что заключается в интеграции не слов или выражений, а самого способа мыслительной и речевой деятельности в определенном отчуждении от русского языка. Вспомним русскую классику: сцена боя в пушкинском «Борисе Годунове», пронизанная разноязыкими репликами, или начало толстовской эпопеи «Война и мир» с салонным жужжанием по-французски – образцы осмысленного, культурно значимого восприятия иноязычных влияний. Современная ситуация, в своей механистичности и объемности, – это уже образец не интеграции, а мозаичности (вспомним понятие «мозаичной культуры», введенное А. Модем для обозначения нового, возникшего в XX в. механического соединения культурных тенденций [4]).

Глобализационные процессы, происходящие в обществе, повлияли и на язык, и на массовое сознание (об этом уже неоднократно писалось [1]), в частности, это отразилось в том, что заимствования стали восприниматься как более престижные, модные, актуальные, в некоторых случаях даже вытеснили исконно русские слова, привычные для многих поколений (названия профессий, магазинов, слова из области публичной жизни и т. д.). В последнее время появилось значительное количество словарей, подтверждающих указанное явление: «Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика»; «Словарь модных слов. Языковая картина современности» Вл. Новикова; «Словарь новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой и др.

В интересах изучения опыта массовой культуры в России в аспекте бытования признаков постиндустриального общества и отражения в российской культуре глобализационных процессов мы рассмотрим особенности опыта «присвоения» в России зарубежных тенденций и их решительных трансформаций; для этого обратим внимание на отдельные иноязычные приставки, которые в современном обществе либо активно участвуют в процессе образования новых слов и отражают особенности эпохи, либо их употребление не соответствует изначальному значению словообразовательного элемента.

Показательным, на наш взгляд, является то, что подобного рода слова и словоупотребления стали актуальными не только для разговорного языка и СМИ, где тенденции в сфере лексики отражаются быстрее всего, но и для сферы науки. Употребление «модных» слов с иноязычными элементами встречается в названиях публикаций из самых разных областей научного знания (далее многие примеры приводятся из статей, взятых с сайта <http://elibrary.ru/>), что свидетельствует о широте и последовательности распространения процессов глобализации и стремлении к интернационализации языка. Особого внимания заслуживает тот факт, что основная часть заимствований грамотно используется в речи носителями языка, однако встречаются примеры таких употреблений, которые свидетельствуют о противоположных процессах: носители языка либо не знают значения заимствованного слова или его иноязычных элементов, но используют, потому что хотят идти в ногу с эпохой (быть в тренде, как сейчас говорится), либо, напротив, чрезмерно злоупотребляют иноязычными словами и аффиксами, присоединяя их повсеместно, иногда даже не думая о том, что трансформируется исходный смысл высказывания.

Итак, приставки, заимствованные из иностранных языков, и их бытование в речи современного жителя России.

Для выражения восхищения в настоящее время используются слова с приставками, обозначающими высшую степень оценочности, причем, как отмечено в «Словаре модных слов», «наш народ ... все эти приставки использует исключительно в одобрительном смысле» [6, с. 261].

Среди таких элементов, безусловными лидерами являются

– **супер-** (от лат. *super* – ‘сверху’, ‘над’): супермаркет, супермодель, суперзвезда, суперпро-

ект, супершоу, суперагент, супербестселлер, супербогатый, суперкачество, суперсовременный, суперсериал, супермодернизм, суперпроцесс, суперпредложение, суперотбеливатель, суперприз, суперсам, суперсекретный, суперцена, суперхит, суперэтнос;

– **мега-** (от греч. *megas* – ‘большой’): мегамир, мегафон, мегаструктура, мегазвезда, мегамаркет, мегапроект, мегаэволюция, мегаэкология, мегавечеринка и др.;

– **гипер-** (от греч. *hyper* – ‘большой’): гипертекст, гиперинфляция, гипермаркет, гиперактивность, гиперспектр, гиперреализм, гипермодернизм, гипермедийный, гипергенный, гиперкомплексный, гиперсексуальность, гиперурбанизация, гиперчувствительность;

– **ультра-** (от лат. *ultra* – ‘далее’, ‘более’, ‘сверх’): ультрамодный, ультраавангардистский, ультрабарокко, ультравысокий, ультраконсервативный, ультрамодерн, ультрамодернизм, ультра национализм, ультрапатриотический, ультрасветский, ультрасовременный и др.;

– **экстра-** (от лат. *extra* – ‘сверх’, ‘вне’): экстраординарный, экстрамодный, экстракардинальный, экстралингвистический, экстраординарный, экстрасенсорный, экстраполяция.

Особенностью обыденной речи является то, что приставки *супер-*, *мега-*, *ультра-* могут, как правило, добавляться к любому существительному, в значении которого нет отрицательной коннотации, так как сами префиксы приносят в то или иное слово элемент восхищения, восторга, признания, похвалы или просто указание на качественно-количественный аспект, интенсивность признака. Употребление данных элементов в указанном значении носит в русском языке уже привычный характер и у большинства читателей-слушателей не вызывает раздражения, например: Горбунов Г. Г., Чиков К. Н., Шлишевский В. Б. *Дистанционная гипер- и ультраспектральная аппаратура*; Монахова Г. А., Монахов Д. Н., Прончев Г. Б. *Проблемы российских учителей в гипер-информационном обществе*. Как показывают заголовки статей и изданий, взятые нами для анализа со всеми знакомого в научном сообществе сайта российской научной электронной библиотеки, характеристики *супер-*, *мега-*, *гипер-* могут приписываться любым объектам и явлениям окружающего мира. Привлечь внимание к статье довольно просто: к слову в названии добавляется «модная» приставка и – эффект достигнут: Козьменко М. В. *Проблема «гипер-авантекста»* (на материале творческого насле-

дия Л. Андреева); Новиков Д. В. *Российские мега-вузы как образовательные монополии: социально-экономический аспект*; Ольга Морозова *Построй свой супер-сайт за 21 день!*; Штефани Венцель. *Супер-диета для тех, кому за 40. Программа на 4 недели*; Гэймон Д., Брэгдон А. *Супермозг. Руководство по эксплуатации или как повысить интеллект, развить интуицию и улучшить свою память*. Массовое сознание, активно присваивая нравственные императивы Запада, стремится наделить человека сверхспособностями в любой сфере, в том числе личной, интимной: Диля Дэрдовна Еникеева. *Супер-любовница. Как ею стать*; Виктор Кузнецов. *Суперпапа // Теперь ты настоящий мужчина*; Григорчук Т. М., Бурхаев Д. Д., Сардаров А. Ш. *Зверский самец: как стать мега-гуру*. Адресат публикаций, указанных в большинстве примеров, не ранжируется по возрасту и социальному статусу, в процесс быстрого освоения заимствованных слов и элементов оказывается вовлечено все население России: Герасим Авшарян. *Супер-память. Проверенный тренинг для школьника*; Александр Власович Головки. *Супер-пупер-компьютер и котик-мяусик: стихи и сказки для детей дошкольного и младшего школьного возраста*. Как видим, даже дети становятся непосредственными участниками процесса глобального присвоения заимствованных элементов, а вместе с ними и – ценностей.

Если осмысленное употребление греческих и латинских приставок в определенной степени обогащает русскую речь, то формальное, бездумное использование иноязычного слова или аффикса, сопровождаемое псевдоироническими рифмами или созвучиями, обедняет русский язык, явно упрощает его, более того, придает абсурдность, далеко не всегда осознаваемую говорящим или пишущим человеком: *В кино меня привыкли видеть брутальным, настоящим мужчиной, каким-то «супер-пупер»: где военным, где олигархом* (Известия, 2014.03.21). Удивляет, как актер расставляет смысловые акценты при характеристике своих киногероев. Неужели быть *супер-пупер* важнее, приятнее, чем быть *настоящим мужчиной*? Налицо замещение ценностей: массовое сознание намеренно отказывается от конкретных нравственных и физических характеристик человека, выбирая какое-то неопределенное слово-созвучие, причем явно не утруждаясь пониманием смысла сказанного. «*Супер*» – *в теннисе, а в жизни – все-таки «человек»* (Советский спорт, 2013.06.07) – возникающая в примере

антитеза (*супер – человек*) явно лишена здравого смысла: если ты не обладаешь сверхспособностями, то ты никому не интересен, а значит, тебя снисходительно назовут просто человеком. По современному массовое сознание интерпретирует и известных литературных героев: *Для кого-то Дон Жуан это пошляк, для кого-то супер-рекордсмен в любовных похождениях* (Комсомольская правда, 2013.10.31). Встречаются и такие словоупотребления, которые на фоне общего контекста высказывания выглядят несколько абсурдно (из заголовков научных статей): *Мусаев Ф. А., Захарова О. А. Содержание голитинских коров на реконструированной ферме и мега-ферме в ООО «АВАНГАРД» Рязанского района Рязанской области; Никулин А. М., Никулина Е. С. Сельско-городская Москва: из большой деревни в мега-село.*

Маскультовские трансформации, характерные для современного общества потребления, проявляются также в том, что приставки со значением ‘сверх’ могут – вопреки правилам русского языка и соображениям здравого смысла – присоединяться даже к тем словам, в значении которых уже содержится сема ‘лучший среди чего-либо, кого-либо, превосходный’ или которые в норме не предполагают проявления признака в большей или меньшей степени, например, *супер-люксовый, суперсенсационный, суперэлитный, суперпрестижный: Нет, понятно, что идеально объективных СМИ не бывает даже в супер-демократических странах* (Комсомольская правда, 2013.08.16); *Остается только надеяться, что супер-защитное стекло будет не единственным конкурентным преимуществом смартфона* (Комсомольская правда, 2012.12.07); *Да, кстати, вот сколько ни читал биографии Дмитрия Олеговича – еще со времен его ультра-«патриотической» партии «Родина», – там ничего про службу в армии не сказано* (Известия, 2012.09.30). После прочтения подобных контекстов возникают закономерные вопросы: неужели стекло будет лучше защищать смартфон, если к слову – характеристике модного телефона – добавить «актуальный» префикс? Кто-то может быть более или менее «демократичнее» или «патриотичнее»?

Довольно часто к тому или иному слову добавляется сразу несколько приставок (часто разных по происхождению), что, видимо, по мнению носителей языка, усиливает семантику оценки (*супермегамодный, супермегаскидка, супермегапроект, супермегахит*), например: Со-

здали какой-то *супермегасекретный штаб по координации действий всех спецслужб на случай терроризма и прочей возможной анархии (все бояться беспорядков на улицах, если Канада проиграет России по хоккею)* (РИА Новости, 2010.02.12). Возникает ощущение, что у супермегасекретного штаба соответствующая «гиперультрамегаважная» миссия. В некоторых случаях нанизывание приставок дополняется и соответствующей лексикой: *Когда он у нас проходит, а это бывает раз в четыре года, Москва становится мега-, супер и самой-самой музыкальной столицей мира* (Комсомольская правда, 2012.11.06). Кажется, что автора статьи настолько переполюют эмоции, что не хватает слов, чтобы их выразить на бумаге – «беспомощному» журналисту проще использовать приставки. Встречаются случаи намеренного нанизывания слов, содержащих одинаковые приставки: *Отдельная категория счастливых – ищущие дешевизны: этим – в мегадешевый и мегагигантский универсам с мегапротяженной (в этом торговом центре все с приставкой «мега») очередью в кассы* (Комсомольская правда, 2009.12.12). В подобных случаях общий смысл деформируется, от высказывания остается впечатление *мегапустоты*.

Заметной тенденцией массовой культуры является необоснованное присоединение приставок, значение которых явно противоречит смыслу основного слова, происходит смысловая и культурная деформация: *Дорогу до супер-помойки, похоже, не ремонтировали никогда* (Олег Адамович. Корреспондент «КП» поработал грузчиком на мусоровозе и выяснил, как мафия наживает на московском мусоре // Комсомольская правда, 2013.04.17). Приставка *супер-*, как мы уже упоминали, используется для выражения высшей степени положительной оценки, а не для обозначения большого объема, то есть получается, что свалки и помойки мы теперь тоже можем ранжировать по качеству. В следующих примерах префикс *супер-* также присоединяется к словам с отрицательным значением: *В какой-то момент местные чиновники так испугались, что на них сейчас обрушивается с Москвы супер-критика, что уволят губернатора* (Комсомольская правда, 2013.06.20); *Так, порадует своими шутками бывший супер-злодей Грю и его армия миньонов, продолжат приключения Смурфики и Перси Джексон, а мир «Тачек» в буквальном смысле поднимется на новый уровень....* (Комсомольская правда, 2013.07.31). *Специально для*

мега-салата уже приготовлена гигантская салатница диаметром два метра и высотой в один (Комсомольская правда, 2009.08.19) – присоединение префикса *мега-* к существительному *салат* (буквально нужно прочесть – «большой» салат, что с точки зрения смысла является абсурдным, так как при упоминании того или иного блюда мы ждем, прежде всего, указания на его вкусовые характеристики) явно неуместно, так как на большой объем кулинарного шедевра должна по логике указывать посуда, а не приставка: если автор хотел «порадовать» читателя модным элементом, то лучше было бы его присоединить к слову *салатница*.

В СМИ встречаются реплики, в которых иноязычные приставки присоединяются к именам собственным, что свидетельствует о переосмыслении заимствованных элементов на русской почве. Они воспринимаются уже в качестве самостоятельных единиц русского языка, позволяющих вместо нескольких прилагательных, характеризующих человека, использовать один «мегаместительный» по содержанию элемент. В этом также проявляется одна из характерных и важнейших тенденций современной (в том числе и российской) массовой культуры – стремление к упрощению всего и вся, в том числе и языковых средств: *Сейчас в производстве находится сериал «Супер-Макс», сделанный по лицензии Fox* (Известия, 2012.11.23); *Такой вот гипер-Чехов, только у того всегда присутствует холод и скепсис, а здесь все одобрено острейшей приправой страсти* (Новая газета, 19.11.2007); *Янукович – не просто Кучма, это ультра-Кучма для Украины* (Новый регион 2, 2010.10.22); *Сбылся бы худший кошмар России: на своих границах она получила бы наглую, победоносную мега-Грузию под руководством удачливого нью-Саакашвили, у которого «все получилось» с покорением отколовшихся территорий* (Известия, 2014.05.28).

Следует отметить, что прием присоединения приставок к именам собственным встречается и в художественно-публицистической литературе, но здесь он, как правило, связан с намеренной игрой слов и используется для создания иронического подтекста:

Советский социализм – это массовый самообман.

– А Ленин?

– Что Ленин?

– Но Ленин-то ведь – это **анти-Сталин**; не так?

– *Чепуха. Сталин – это ультра-Ленин; вот и все. В принципе Ленин – это первый бес революции. В больших глазах Эра промелькнуло мимолетное страдание* (Василий Аксенов. Таинственная страсть, 2007);

Одной из самых «популярных» и небрежно, необоснованно, подчас, как говорилось выше, абсурдно употребляемых в публицистической и обыденной речи оказалась приставка *супер-*; в русском языке она стала использоваться в качестве отдельного слова-междометия для выражения высшей оценки чего-либо (подробнее об этом см. Ф. Ф. Кадыров). Более того, приставка зажила собственной жизнью и стала трансформироваться в новые слова, например: *Михаил Сергеевич Галынский. Как стать супер. Только для мальчишек*; *Юлия Геннадьевна Кураева. Как стать супер. Только для девчонок*. Становится очевидно, что тенденция экономии речевых средств приобретает порой угрожающие черты: мы все чаще говорим «супер», «суперский» и т. п. вместо того, чтобы использовать для характеристики того или иного человека, явления, процесса, предмета какое-нибудь прилагательное, четко называющее конкретное качество и отношение к нему. Например, в «Комсомольской правде» была опубликована статья о том, как жена В. В. Путина зажигательно танцевала на дискотеке с молодым мужчиной. *Заинтригованные тем, насколько суперски танцевала Путина, корреспонденты «Комсомолки» поинтересовались у нее:*

– Людмила Александровна, а вы вообще часто танцуете?

– Два раза в неделю, дома.

– Серьезно?

– Да, – ответила первая леди, вокруг которой продолжали безумствовать тины (Комсомольская правда, 2003.05.30). Несмотря на разговор о жене президента РФ, используется разговорное наречие **суперски**, хотя оно явно включает в свое содержание несколько синонимов, например: хорошо, уверенно, удивительно и т. п. Тенденция переосмысления иноязычного словообразовательного элемента в отдельное слово наметилась и среди других названных нами приставок: название музыкального фестиваля «**Ультра**», Татьяна Ефимовна Шехтер. Реализм в измерении «**гипер**» (Санкт-Петербург, 2011).

Прилагательное *суперский* и наречие *суперски*, употребляющиеся сначала среди молодежи, стали активны и среди старшего поколения, причем людей образованных и публичных: «Спек-

такль, бесспорно, **суперский**, – заметил главный режиссер ТЮЗа Евгений Зайд. – Он адресован подрастающему поколению, которому мы желаем подольше не расставаться с детством. Советуем посмотреть и родителям: им это будет не только полезно, но и интересно» (Комсомольская правда, 2009.02.25). Казалось бы, главный режиссер ТЮЗа должен даже в силу служебного статуса говорить элементарно грамотно. В то же время понятно, что, желая привлечь в театр потенциального зрителя, он идет на поводу у расхожих представлений о простоте и доступности речи, полагая, что для его целей подходят понятные для массового сознания и активно используемые в рекламной технологии «модные» слова. Тот же предрассудок характеризует и речевые конструкции, связанные со спортом: *Мы увидели другой хоккей, какого не было в Сочи. Хоккей, который нравится публике, нравится стране – азартный хоккей. <...> Я сразу сказал, что эта команда не проиграет, – признался Третьяк. – Рад за вратарей, Сергей Бобровский – просто супер, Андрей Василевский – хорош* (Известия, 2014.05.26). Вместо перечисления профессиональных и каких-либо других личностных характеристик дается одно емкое, по мнению пишущего или говорящего, слово. Но не размывается ли от этого смысл высказывания? Не теряем ли мы нашу индивидуальность? Видимо, скоро вместо перечисления деловых и профессионально значимых качеств при составлении резюме можно будет про себя коротко написать: «Я – просто супер!»

Большое количество слов с префиксами *супер-*, *мега-*, *ультра-*, *гипер-* «отражает усиление социальной оценочности в период ремаркации социальных ценностей в России». По мнению ученых, причиной возрастания словообразовательной активности иноязычных по происхождению префиксов является «амероглобализация» [7, с. 144]. Присвоение «западных» реалий жизни провоцирует активное освоение соответствующей лексики, а также слов с интернациональными элементами, что ведет к упрощению в сфере межкультурной коммуникации. При этом «любое взаимодействие культур и языков неизбежно приводит к потере аутентичности обеих сторон. Причем, чем шире и интенсивнее эти контакты, тем большие потери несет язык» [5, с. 79–86].

Современное общество, сформировавшее ненасытного потребителя, склонного к новым эффектам в сфере услуг, для которого потребление выступает как основное содержание жизни,

активно использует в своем словарном составе лексику с иноязычными приставками, связанными с выражением значения ‘много’:

– **поли-** (от греч. **poli** – ‘много’) (полилог, полигенный, поликомпонентный, полинаркоман, полиперсональный, полисемантический и др.),

– **мульти-** (от лат. **multum** – ‘много’) (мультидисциплинарный, мультикультурализм, мультимедийный, мультивалютный, мультимиллионер, мультинациональный, мультипроцессорный, мультифункциональный, мультисервисный, мультимножество, мульти-пульти и др.).

Следует отметить, что указанные приставки употреблялись для образования слов и раньше, однако в современном обществе наблюдается тенденция намеренного выбора слов с отмеченными префиксами, например: *мультифункциональный* вместо *многофункциональный* и т. п.¹, что отражает отмеченную нами выше тенденцию: предпочтение отдается иноязычным элементам. При этом часто рядом, без разбора, тавтологично употребляются синонимичные, просто разноязычные фрагменты, выражающие одно и то же значение (*мультиполикультурный*, *полимультикультурный* и др.), например, из названий статей: *Джурицкий А. Н. Вызовы многонационального социума и генезис идей мультиполикультурного образования* (возникает банальное дублирование латинского элемента греческим. Что за этим скрывается? Необразованность автора или желание быть актуальным?); *Трошков А. М., Трошков М. А., Ермаков В. А. Мульти-многофакторные биометрические характеристики аутентификации личности и система их защиты*. Последний пример одновременно и абсурден, и интересен: в нем сочетается исконно русский корень **мног-** и иноязычная приставка с тем же самым значением, которая, видимо, добавляется к основному слову для усиления эффекта. Увидев «модный» элемент, читатель не пройдет мимо, «лайкнет» статью.

В последнее время стала уже привычной тенденция употребления заимствованного элемента вместо исконно русского, что демонстрируют следующие примеры словоупотреблений из названий статей (на сайте научной электронной библиотеки их насчитывается не один десяток): *Кузнецов Ю. В. Проблема демаркации при анализе научной дискуссии в условиях мультикультурализма*; *Сальникова Н. Е. Мульти-проект «Институт семьи»: итоги и перспективы (1988–2012 гг.)*; *Бухвалов Н. Ю., Пустовойт К. С. Иерархическая мульти-интеллектуальная*

система управления высокотехнологичным предприятием; Дроган А. В. Территориальные аспекты формирования **мульти-модальной логистической системы** (на примере города Екатеринбург). Следует отметить, что большая часть авторов, безусловно, понимает современные тенденции, поэтому возникают и такие заголовки: Соколовский С. В. Будущее антропологии: **кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность?**

Массовое сознание настолько прочно впитало разноязыкие (неважно, из каких языков и сфер жизни пришедшие) слова и частицы, что сугубо специальные, имеющие узкий и/или конкретный смысл элементы употребляются в повседневности, встречаются на каждом шагу вне научной или какой-либо иной специальной логики: в названиях фирм, магазинов, акций, проектов и предложений стали часто использоваться слова с «модными» приставками. Подобный прием словоупотребления рассчитан на массового потребителя, которому предлагаются многозначительные, эффектные, не всегда до конца понятные слова, слоги, звуки, призванные вызвать интерес, привлечь внимание, создать атмосферу экстраординарности: предпочтение отдается всему тому, что характеризуется *супер-, мега-, ультра-* и т. п. Мы уже привыкли, что вместо обычных магазинов и универсамов у нас повсеместно строятся мега- и гипермаркеты и это отражается и в их названиях (приставка *мега-* здесь сохраняет свое исконное значение – ‘большой’): *Здесь работает один из крупнейших торговых центров России – «Мега Белая дача» площадью 214 тыс. кв. м* (Известия, 2014.06.11); *«Дилерский бизнес в каждой стране имеет свою специфику, – говорит Дмитрий Зайцев из «Мега-Авто»* (РБК Дейли, 2012.12.05). Но какой же смысл скрывается в следующих названиях фирм, издательств или студий: *О наколотых и стертых страстях «Труд»* рассказал художник-татуировщик салона *«Ультра Тату»* Григорий Игрунин (Труд-7, 2008.04.16); *7 декабря были 18 звонков с вопросами о запрещенных книгах, частые визиты людей в штатском, разглядывающих стойки с газетами и полки, где раньше стояла «Ультра-культура»* (Новый регион 2, 2007.12.17); *Звезды тульской эстрады, dj Катрин, балет «Мега Данс»* (Комсомольская правда, 2011.02.04). Неужели изменились технологии нанесения изображений на тело и вместо обычной татуировки можно нанести *сверхтату* (исходим из исконного значения префикса *ультра-*)? А название

балета буквально следует прочитать *«Большой Данс»*? Возникает устойчивое ощущение, что нас обманывают, используя не наш язык: звучит, может быть, и красиво, но что скрыто за внешней оболочкой созвучий и многочисленных аффиксов?

Привыкшие жить в *постсоветском, посттоталитарном, обществе*, мы, отчасти приспособившиеся к переменам, пожиная плоды *постперестройки*, стали достаточно активно использовать приставку **пост-** (от лат. *post* – ‘после’), которая, как правило, сохраняет в нашей речи свое исконное значение, участвуя в образовании словообозначений той или иной эпохи, начавшейся после времени, обозначенного мотивирующей основой: *постимпрессионизм, постиндустриальный, постренессансный, посткапитализм, постмодернизм, постсимволистский, постструктуралистский, посттоталитарный*. Но в последнее время в активном словаре носителей русского языка стали появляться слова, в которых приставка *пост-* явно противоречит своему исконному значению или приобретает другое, скорее оценочное, значение, например: *постапокалиптический* (разве может быть что-то после апокалипсиса?), *постдисциплинарность, постэкономический, постпроцессор* – все эти слова указывают, скорее, на то, что в современном обществе постоянно предпринимаются поиски новых подходов, объяснительных моделей, методологий для того или иного процесса, явления, и, соответственно, трактовать в данном случае указанные слова как *последисциплинарность, постэкономический, постпроцессор* вряд ли возможно.

Наряду с возросшей активностью употребления оценочных префиксов, в современном языке часто стали использоваться слова с иноязычными приставками, выражающими отрицательное значение. Видимо, от традиционной приставки *не-* общество устало, а может быть, иностранный префикс помогает людям уйти от той явной категоричности, которая свойственна русской приставке, и позволяет расширить «лексическую» палитру.

Отрицательный префикс **нон-** (от лат. *non* – ‘не’) (*нон-стоп, нонконформизм, нестандарт, нонфактор, нонфигуративный*) получил новую жизнь в современном языке, при этом, как правило, его присоединение к слову, во-первых, свидетельствует о достаточно грамотном употреблении; во-вторых, пока префикс имеет ограниченный круг лексем, с которыми вступает во взаи-

модействие (из названий научных статей): *Гвоздев А. Б. Искусство факта. Понятие «креативно-нон-фикшин»* (здесь новаторским, скорее, будет добавление к иноязычному слову нового корня *креатив-*); *Новоселов С. А. Нон-фигуративный способ обеспечения обязательств*. Однако в настоящее время стала очевидной тенденция употребления префикса **нон-** в терминах (из названий научных статей): *Попович Н. Д. Социально-философская критика **нон-антропоцентризма***; *Дьяков А. В. Состояние **нон-модерна**: в поисках трансверсальной фило-софии*. Мы уже начали привыкать к тому, что в современной научной методологии весьма быстро появляются новые подходы и модели, объясняющие различные факты материального и нематериального мира (*антропоцентризм, когнитивизм* и т. п.). При этом с такой же невероятной скоростью стали появляться концепции, отрицающие первые: *Гусева А. Ю. Когнитивизм и **нон-когнитивизм**: необходимость взаимодополнения*. Последний пример, на наш взгляд, воспринимается псевдонаучно: за языковой игрой в термины теряется смысл. Непонятно, что с чем нужно объединять и есть ли необходимость во взаимодополнении. По сути, мы становимся свидетелями формирования нового понятийного аппарата, подчас не имеющего буквальных аналогов в русском языке.

Маскультовские трансформации в сфере лексикологии отражаются не только в особом рода контекстах, демонстрирующих специфическое употребление слов, но также и в том, что варьируется правописание заимствований: многие пишут лексемы с иноязычными префиксами через дефис (*контр-культура, супер-критика* и т. п.; см. выше), хотя словари фиксируют слитное правописание большинства из них. Круг слов, где иноязычный элемент пишется через дефис, ограничен и, как правило, сопровождается специальными комментариями в орфографических словарях, например: *ультра-... – приставка, пишется слитно, но **ультра-си**; **нон-стоп*** и т. п. Возможно, такая вариативность появилась как раз вследствие ненормированного употребления иноязычных аффиксов и расширения границ их лексической сочетаемости. Безусловно, имело влияние и простое незнание орфографических «изысков» представителями СМИ.

Попытки показать оригинальность в парадоксальном применении иностранных элементов в малозначащих, обыденных случаях, подчеркнуть, да простится нам каламбур, суперобразованность,

за которой подчас скрыто неумение найти «нормальные» слова, соответствующие описываемой ситуации, замена русских слов иноязычными, «как бы» сложными и оригинальными, находят отражение в высказываниях, сомнительных с точки зрения смысла и логики: *Продажи хлеба в местном магазине резко пошли вверх, дети и пенсионеры – все зачастили на озеро, причем, когда одна инициативная группа отряхивала на берегу руки от крошек, другая уже маячила на дороге, так что птицы в итоге питались **нон-стопом*** (Комсомольская правда, 2011.08.16). Как правило, традиционно о режиме *нон-стоп* говорят по отношению к художественным и политическим акциям, демонстрациям чего-либо, выступлениям кого-либо, а здесь речь идет о птицах. Возможно, в языке наметилась тенденция к расширению сочетательных возможностей префикса **нон-**, как это наблюдается с другими иноязычными элементами. В следующих примерах можно наблюдать активное употребление префикса *нон-* с английским словом *фуд* (англ. *food* ‘еда’, ср. *фастфуд, фуд-корт*): *Магазины шаговой доступности в 300 кв. м позволяют сделать хорошую выкладку, а на площадках от 1 тыс. до 3 тыс. кв. м можно вводить в матрицу высокомаржинальный **нон-фуд*** (РБК Дейли, 2012.09.10); *Много у нас **нон-фуда** – непродуктовые товары, туалетная бумага* (Комсомольская правда, 2013.02.12); *Г-н Бурмистров считает, что в идеале на начальном этапе нужно подобрать товарную матрицу с ограниченной долей категорий «**фреш**» и «**нон-фуд**» и для адаптации под потребителя-пассажира, а затем поэтапно расширять и углублять ассортимент, анализируя состояние продаж* (РБК Дейли, 2013.07.16).

Встречая подобные примеры, особенно про потребителя-пассажира, невольно представляешь обычного человека среднего и преклонного возраста, не отягощенного познаниями в области гуманитарных наук. Поймет ли он смысл фраз, прочитанных в газете? Еще более абсурдной представляется ситуация в поезде, когда проводница, проходя по вагону с корзиной товаров и ранжируя их по категориям *нон-фуд* или *фреш*, будет предлагать осуществить покупку. Мы снова сталкиваемся с явлением упрощения языка: с одной стороны, очевидна тенденция интернационализации языка, с другой – экономии речевых средств, когда вместо перечисления тех или иных товаров и предметов используется одна лексема, правда, возникает сомнение по поводу ее понимания большинством носителей языка.

Продолжая говорить об иноязычных приставках, помогающих современному человеку выразить отрицательные смыслы, стоит упомянуть и о префиксе **контр-** (от лат. *contra* – ‘сверх’, ‘против’), который также расширил в современном языке свои возможности участвовать в образовании новых слов: *Наружу выводится не столько подтекст, сколько контр-текст. Он ставит своего рода контр-спектакль, открывая в себе азартного авангардиста. Контр-пафос Галибина эффектен и остроумен, но его не хватает на почти трехчасовое зрелище* («Коммерсантъ-Daily», 1996.01.18); *Если вдуматься, то верой в возможность использовать «уроки прошлого» во многом руководствуются и представители альтернативной истории и контр-истории, когда они выстраивают альтернативное будущее от зафиксированного в прошлом события* (И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого, 2003). Современный человек, представитель общества потребления, видимо, уставший от чрезмерно большого количества эффектных и ярких «зрелищ», начинает активно употреблять приставку *контр-* для выражения протеста: появляются *тексты, история, спектакли, пафос* и т. п. со значением ‘против’.

Особого внимания заслуживает прилагательное *контрпродуктивный* и образованное от него наречие *контрпродуктивно*. Их употребление, как правило, связано с политическим контекстом: *Москва неоднократно заявляла, что разговаривать с Россией языком санкций неуместно и контрпродуктивно* (РИА Новости, 2014.05.02); *Мы не собираемся оказывать давление на потребителей – это контрпродуктивно и несправедливо, – пояснил президент* (Известия, 2013.07.01). Однако в интернете встречаются употребления, которые явно свидетельствуют о том, что некоторые заимствования в определенных ситуациях выглядят неуместно: *Ношение женщинами бюстгалтеров контрпродуктивно, – сообщает AFP* (<http://www.bagnet.org/news/health/213186/noshenie-zhenshchinami-byustgalterov-kontrproduktivno>); *Контрпродуктивная езда на дизеле по трассе Колыма в -60* (<http://travel.drom.ru/50400/>). В подобного рода контекстах можно было бы использовать обычные прилагательные типа *вредный, опасный* и т. п., но, видимо, они не так оригинальны, как слова с иноязычной приставкой, претендующие на то, чтобы повысить рейтинги статей.

Таким образом, переосмысление ценностей, культурных кодов, концептов в глобализирующемся мире порождает соответствующие тенденции в языке: многочисленным трансформациям подвергаются слова и их элементы, при этом подобные трансформации быстро укореняются в массовом сознании.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С., Киященко, Л. П., Новиков, М. В. Российский дискурс массовой культуры: оппозиции и смыслы [Текст] / Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко, М. В. Новиков // Коды массовой культуры: российский дискурс : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – С. 5–20.
2. Кадыров, Ф. Ф. К вопросу о морфемном статусе языковой единицы: супер- и супер в современной русской речи [Текст] / Ф. Ф. Кадыров // Русский язык в школе. – 2012. – № 8. – С. 74–78.
3. Кузьмина, Н. А., Абросимова, Е. А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени [Текст] : учебное пособие / Н. А. Кузьмина, Е. А. Абросимова. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 256 с.
4. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль ; пер. с фр.; предисл. Б. В. Бирюкова. – Изд. 3-е. – М. : Изд-о ЛКИ, 2008. – 416 с.
5. Наумов, В. В. «Мульти-культи» как способ уничтожения национального языка [Текст] / В. В. Наумов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2011. – № 4. – С. 79–86.
6. Новиков, Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности [Текст] / Вл. Новиков. – М. : Словари XXI века, 2016. – 352 с.
7. Новые тенденции в русском языке начала XXI века [Текст] : коллективная монография. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 304 с.
8. Шмелев, А. Д. Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные [Текст] / А. Д. Шмелев // Речевая коммуникация в современной России : материалы I Международной научной конференции / под ред. О. С. Иссерс, Н. А. Кузьминой. – Омск, 2009. – С. 406–419.

Bibliograficheski spisok

1. Zlotnikova, T. S., Kijashhenko, L. P., Novikov, M. V. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: oppozicii i smysly [Tekst] / T. S. Zlotnikova, L. P. Kijashhenko, M. V. Novikov // Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs : kolektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – S. 5–20.
2. Kadyrov, F. F. K voprosu o morfemnom statuse jazykovoj edinic: super- i super v sovremennoj ruskoj rechi [Tekst] / F. F. Kadyrov // Russkij jazyk v shkole. – 2012. – № 8. – S. 74–78.

3. Kuz'mina, N. A., Abrosimova, E. A. Aktivnye processy v russkom jazyke i kommunikacii novejshego vremeni [Tekst] : uchebnoe posobie / N. A. Kuz'mina, E. A. Abrosimova. – M. : Flinta : Nauka, 2015. – 256 s.

4. Mol', A. Sociodinamika kul'tury [Tekst] / A. Mol' ; per. s fr.; predisl. B. V. Birjukova. – Izd. 3-e. – M. : Izd-o LKI, 2008. – 416 s.

5. Naumov, V. V. «Mul'ti-kul'ti» kak sposob unichtozhenija nacional'nogo jazyka [Tekst] / V. V. Naumov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). – 2011. – № 4. – S. 79–86.

6. Novikov, Vl. Slovar' modnyh slov. Jazykovaja kartina sovremennosti [Tekst] / Vl. Novikov. – M. : Slovare XXI veka, 2016. – 352 s.

7. Novye tendencii v russkom jazyke nachala XXI veka [Tekst] : kollektivnaja monografija. – M. : Flinta : Nauka, 2014. – 304 s.

8. Shmelev, A. D. Russkij vzgljad na «zapadnye» koncepty: jazykovye dannye [Tekst] / A. D. Shmelev // Rechevaja kommunikacija v sovremennoj Rossii : materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / pod red. O. S. Issers, N. A. Kuz'minnoj. – Omsk, 2009. – S. 406–419.

---

¹ Подробнее см. Зеленин А. В. Мульти- в русском языке // Русский язык в школе. – 2007. – № 2. – С. 72–77